

ساز

Б И Б Л И О Т Е К А
Управления Делами
Совета Министров Азерб. ССР

Ш 6 (2-Аз) + Аз

Перевод
АУМА ГРЕБНЕВА

Редакторы
В. КАФАРОВ,
С. МАМЕДЗАДЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

16 ноября 1852 года в городе Тифлисе умер Мирза Шафи Вазех младший преподаватель тифлисского уездного училища, вечный труженик и неудачник, великий азербайджанский поэт. Год его рождения точно неизвестен. По одним, научно не подтвержденным данным, это — 1792, по другим — 1804. Мирза Шафи родился в Гяндже, здесь в медресе получил образование, в Гяндже провел большую часть своей жизни, мыкая горе, прибавляясь то секретарствованием в богатом доме, то преподаванием восточных языков и каллиграфии.

С юности Мирза Шафи слыл вольнодумцем и противником духовенства, чье корыстолюбие, ханжество и фанатизм породили не одно обличительное стихотворение поэта. Его объявляли «кафиром» — богоотступником и, конечно, это не облегчало бедному учителю борьбы за существование. В конце сорокового года нужда привела Мирзу Шафи в Тифлис, где друзья поэта исхлопотали ему место младшего преподавателя — должность, избавлявшую от голода, но не от нужды; безденежье преследовало Вазеха до самой смерти.

Судьба Мирзы Шафи — типичная по тем временам судьба талантливого человека, который позволял себе быть свободомыслящим и независимым. Насколько обычной была жизнь Мирзы Шафи настолько необычна судьба его стихов.

В 1844 году в Тифлис приехал немецкий литератор Фридрих Боденштедт. Будучи ориенталистом, он проявил большой интерес к жизни Кавказа и пожелал брать уроки восточных языков. Так судьба свела его с Мирзой Шафи.

В своей книге «1001 день на востоке» Боденштедт вспоминает:

«Уроки происходили три раза в неделю, и на них присутствовали также другие ученики Мирзы Шафи. Потом начинался «диван» и Мирза Шафи, взяв слово, пел, объясняя нам свою песню».

Боденштедт в ту пору был молод и тоже безвестен. Ни он сам, никто другой, конечно, не предполагали, что слава Мирзы Шафи, оставив в неизвестности азербайджанского поэта, осенит поэта немецкого, сделав на какое-то время его имя одним из самых популярных в Европе. Но случилось именно так.

В 1847 году Боденштедт покинул Тифлис, увезя с собой записи песен своего учителя, и его подарок — тетрадь стихов, озаглавленную «Ключ мудрости». По свидетельству Боденштедта, «Эта тетрадь содержала в себе все мировоззрение нашего учителя».

В 1850 году Боденштедт издает «1001 день на востоке». Значительная часть этой объемистой книги посвящена рассказу о Мирзе Шафи и переводу его стихов. В следующем году выходит книга «Песни Мирзы Шафи» в переводе Боденштедта. Успех песен был необычайным и неожиданным. Книга ежегодно переиздавалась по нескольку раз и была переведена на многие европейские языки.

В течение десятилетий Европа проявляла невиданный интерес к стихам «мудреца из Гянджи», который умер, по-видимому, так и не успев получить экземпляр книги со своим портретом на обложке, посланный ему в дар бывшим учеником. Небывалый успех песен дал

возможность Боденштедту издать в семидесятых годах еще один сборник «Из наследия Мирзы Шафи» и выступить с «разоблачением». Боденштедт объявлял, что более двух десятилетий мистифицировал публику, что хотя человек по имени Мирза Шафи существовал на самом деле, но «правда в том, что песни Мирзы Шафи являются не переводами, и мне одному обязаны своим существованием». С Боденштедтом не спорили, да и спорить было некому, заявление его приняли за истину и с этих пор в учебниках литературы и в энциклопедиях о творчестве Мирзы Шафи писали, как о мистификации Боденштедта.

В последние десятилетия были найдены подлинники некоторых стихов Мирзы Шафи на азербайджанском и фарсидском языках. Азербайджанскими учеными написано немало интересных работ, опровергающих версию Боденштедта.

Не стану пересказывать доводы, утверждающие авторство Мирзы Шафи. Те, кто заинтересуется этим вопросом, пусть непосредственно обратится к работам, список которых дается в конце нашей книги.

Я не знаю, что заставило Боденштедта сделать свое «разоблачительное» заявление: некоторая вольность, допущенная им при переводе, или небывалый успех «Песен», даже малую часть которого Боденштедт не захотел уступить своему бывшему учителю, или же соблазн неопровержимости.

И действительно, Боденштедт сделал свое заявление, когда прах Мирзы Шафи уже более двадцати лет покоился на тифлисском кладбище. Не осталось в живых и большинства людей, посещавших «диваны» азербайджанского поэта. У Мирзы Шафи не было родных, которые сочли бы стоящим делом борьбу за авторство песен. Однако, сколь значительно ни была вина Боденштедта перед Мирзой Шафи, нельзя недооценивать

его объективной заслуги перед литературой: до нас дошли пусть не в подлиннике, а в переводе многие прекрасные стихи великого азербайджанца, которых мы бы не узнали, не будь того, что в нынешнем литературоведении носит название «плагиат Боденштедта».

Мне представляется Мирза Шафи очень скромным, безгранично доверчивым человеком, не заботившимся о собственном благе. С точки зрения общепринятых норм Мирзу Шафи можно считать неудачником. И действительно, в чем он преуспел? Богатство? Он умер бедняком! Карьера? Но при всей своей необыкновенной для того времени учености место младшего преподавателя было пределом которого он достиг. Неудачной была личная жизнь поэта. Его любовь терпела крушения то из-за сословных преград, то из-за религиозных предрассудков. Не увидел Мирза Шафи изданной хрестоматии по родному языку и литературе, хотя он отдал работе над нею много лет своей жизни. И, наконец, в поэзии все, что сохранилось от Мирзы Шафи, сохранилось буквально чудом.

Но если в жизни поэт был бессилён перед миром, где властвовали богатство, тупость и фанатизм, то в песнях Мирзы Шафи был во всеоружии. Противопоставляя свою позицию господствовавшему мусульманскому ханжеству, поэт порою принимал позу гуляки и повесы, которая сама по себе уже была вызовом.

Учитель мой, Хафиз,
Мой храм — питейный дом, —

говорит Мирза Шафи, но в жизни храмом поэта был не питейный дом, а тот же Хафиз, то есть — поэзия. К ней он относился как фанатик к своей религии. Но если верующий, молясь богу, ждет побрякушек в этой жизни и блаженства в той, Мирза Шафи от своего бога не ждал ни льгот, ни наград. Он, по свидетельству

того же Боденштедта, редко записывал свои стихи, а если и доверял их бумажному листу, то легко отдавал записи друзьям, как это было с тетрадью «Ключ мудрости». По-видимому, поэт никогда не стремился к публикации своих стихов. Он пел бескорыстно, как поют птицы, пел потому, что не мог не петь.

Часть стихов, вошедших в эту книгу, переведена с найденных подлинников, азербайджанских и фарсидских. Большая часть книги переведена с немецких текстов Боденштедта.

Вообще переводчика стихов можно уподобить строителю, перед которым стоит странная и нелегкая задача: строительно надлежит разрушить некое здание, чтоб из его обломков построить на другом месте здание, как можно более сходное с разрушенным. Перед переводчиком данной книги стояла задача еще более трудная. Ему надо было разрушить уже восстановленное здание, чтоб из его обломков воссоздать здание, сходное с первоначальным, которого он никогда не видел и о котором может судить лишь по не совсем точной разрушенной им копии.

Боденштедт не всегда был точен при переводе и не всегда сохранял форму стихов Мирзы Шафи.

Мирза Шафи читал и пел ученику не только свои стихи, но и стихи других, как современных поэтов, так и предшественников. Некоторые из этих стихов Боденштедт перевел и, приписав Мирзе Шафи, поместил в книгах его песен.

В сборниках, переведенных Боденштедтом, есть стихи, о которых, зная философскую и нравственную концепцию Мирзы Шафи, можно сказать, что они не принадлежат «мудрецу из Гянджи».

И, наконец, даже в стихах, принадлежность которых Мирзе Шафи неоспорима, встречаются строки, явно приписанные ему. Отделение от стихов Мирзы Шафи того,

что ему не принадлежит, тоже входило в задачу переводчика этой книжки.

Несмотря на наличие обширной литературы о Мирзе Шафи, творчество его исследовано не досконально. Возможно, изучая тексты при переводе, я допустил ошибки, которые будут учтены и исправлены дальнейшим исследованием и находками еще не известных нам подлинников, оставленных великим азербайджанским поэтом.

Наум Гребнев

* * *

Из песен остается на века
Скорее песня та, что коротка.

Порой навечно людям остается
С коротким изречением строка.

В коротком слове мудрость к нам пробьется,
Хоть век назад слетела с языка.

* * *

Речь громкая порой ничем не блещет,
Речь тихая бывает речью вещей.
Вращается неслышно круг судьбы,
А колесо арбы гремит, скрежещет.

* * *

Приветствовали вы мои сужденья,
Когда я пел: «Презри ханжей презренья,

Пред сильным мира оставайся смел,
От слабого не требуй униженья!»

Когда же сам я начал жить, как пел,
Моё вы осмеяли поведенье!

Слышал я, что люди говорят:
«Кто правдив, тот должен быть крылат,
Смертным смертные на белом свете
Все простят, а правды не простят!»

Люди говорили: «Правда жжет,
И того, кто никогда не лжет,
Пусть скакун, готовый в путь-дорогу,
У ворот в любое время ждет»

Я людей пугливых не виню,
Говоривших мне сто раз на дню:
«Тот, кто в жизни лгать не научился,
Пусть живет, закованный в броню!»

Что поделывать, нету у меня
Ни брони, ни крыльев, ни коня.
У меня есть только слово правды —
Мой скакун и крылья и броня!

Если ты умен, иди к глупцам,
Если зрячий ты, иди к слепцам,
К зрячим не найдет слепец дорогу,
К мудрым глупый не приходит сам,

Даже вы, достигшие высот,
Знайте и примите то в расчет,
Что и солнце в небе не гордится,
А земле свои лучи несёт.

Брань и хула людская — все ничтожно.
Пройдите мимо, помните, друзья,
Что ни хулой, ни бранью невозможно,
То осквернить, что осквернить нельзя.

Грешит нередко мудрость простотой
И слепо тянется за красотой,
Нередко красота совета мудрых
Не слышит в простоте своей святой.

1698198

Б И Б Л И О Т Е К А
Управления Делами
Совета Министров Азерб. ССР

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

* * *

Где рай земной? — вы спросите меня.
В сердцах красавиц, на спине коня.

* * *

Уж лучше пусть не обретут признанья
Ни доброта твоя, ни дарованья,
Чем жить овечьим почетом ложным,
Пред миром слыть большим, но быть
ничтожным.

У каждого из нас своя земная,
Пусть маленькая радость, пусть большая,
И даже тот, кто знает: счастья нет,
Находит счастье, это утверждая.

В потоке бурном, что ревет и злится,
Дневное солнце пляшет и дробится.

В спокойных водах, где волненья нет,
Неискаженно солнце отразится.

Так в юном сердце слово и совет
Не может, преломясь, не исказиться.

Но поостынет сердце; много лет
Прошелестят крылами, словно птицы,

Пред тем как в нем великих истин свет
Неискаженно сможет зарониться.

* * *

Содеявших добро порою ждет награда,
Но, делая добро, о ней мечтать не надо!

* * *

Как надо жить: счастливо или честно?
Меж счастьем и добром зияет бездна.
Немногие из нас находят мост,
Иные гибнут на тропе отвесной.

* * *

Разумно рассуждать куда как мудрено,
И все же во стократ трудней молчать умно.

* * *

Сложна дорога жизни, но она
На лицах наших запечатлена.

Вот здесь любовь морщину начертала,
Вот линия усталости видна.

На лицах ясно доброе начало,
И злая сущность тоже нам ясна.

И все ж мы друг о друге знаем мало:
Не каждый разбирает письмамена.

* * *

Один глупец, постигший все науки,
Сказал, что человек рожден для муки.

И это повторили все глупцы,
А у глупцов есть сыновья и внуки.

И стала жизнь проклятием для всех,
Хоть помирай не с горя, так со скуки

И удлинились уши у людей,
Взгляд потускнел и опустились руки.

* * *

Что б ты ни говорил, но рушить смысла нет
Сто хижин, чтоб один построить минарет.

Поднимет ветер пыль и до небес взметет,
Но кто возвысит пыль до уровня высот?
А между тем алмаз лежит, покрытый пылью,
И все же он алмаз, возьми, и он блеснет.

Благоразумный важен и учен,
Он для полета в небо не рожден.

Ему хватает собственного блага,
Он собственным величием упоен.

А вот мудрец не может сделать шага,
Не преступив какой-нибудь закон.

Благоразумный ~~мудец~~ не умен, бедняга,
Мудрец благоразумьем обделен.

* * *

Иным из нас богатство и почет
В наследство навсегда судьба дает.
Чужая слава к сыну приживется,
Богатство, может, впрок ему пойдет.

Мы принимаем то, что достается
Готовым — без усилий и хлопот.

И только счастье не передается,
И только то, за что прольется пот,

Для человека счастьем обернется
И почести и радость принесет.

* * *

Так песни пой, как будто день далек,
В который смерть твоих коснется щек,
Но так живи, но так люби, как будто
Смерть переступит нынче твой порог.

— Тебя опять обманывают, брат! —
Участливо мне люди говорят.

— Что делать, люди, — я им отвечаю, —
Пока на свете фальшь и ложь царят,

Чем самому обманывать кого-то,
Не лучше ль быть обманутым стократ?

К нам не извне приходит озаренье,
Внутри себя несем мы свет прозренья.

Взгляни на мир: свое тепло дает
Одно и то же солнце всем в даренье.

Но от его лучей пустыня мрет,
А сад цветет с его благословенья.

В том, что само бесплодие несет,
Ничто извне не вызовет цветенья.

На тропах счастья, на дорогах бзд,
Где ни шагнешь, стопа оставит след.

Останется твой след напоминаньем,
И вновь когда-нибудь всплывет на свет.

Всплывет уликой или оправданьем
На том суде, где всем держать ответ.

Жизнь — это поле, где цветут печали,
И мы давно от этого устали.

Не добр всевышний к своему рабу,
И жалобы помогут тут едва ли.

Нет счастья, не надейся на судьбу,
Счастливы те, что горя избежали.

Зачем же к небу обращать мольбу,
Боль прославлять и вписывать в скрижали?

Вступай с земными бедами в борьбу,
Пока они тебя не доконали.

Минует все: и радости и страсти,
Ушедшее вернуть не в нашей власти.
Но если прошлое нам возвратят,
Не станет счастьем вновь былое счастье.

* * *

Мы в суете, как бы гонясь за тенью,
Спешим от наслажденья к наслажденью.
Но наступает время отрезвленья,
Когда и в наслажденьи нет забвенья.

* * *

Над миром глупость властвует, и это
Для всех столетий общая примета.

С ней не воюет ни один закон,
Хоть в рубище, хоть в шелк она одета.

Но в мир, где правит глупость, как судью,
Бог посылает иногда поэта.

Не только для того, чтобы он пел,
Как птица на ветвях в разгаре лета,

Но чтобы в царстве глупости и тьмы
Он был носителем ума и света.

* * *

Счастливец тот из нас, прошедший испытанья,
Кто может в смертный час промолвить на прощанье,
Что тяжелей вины понес он наказание,
И больше сам страдал, чем причинял страданье.

* * *

То, что скажу я, может и не ново,
Счастливым хочешь быть — начни с простого:
Не говори, когда пора молчать,
И не молчи, коль надо молвить слово.

* * *

Где гнев кончался, там бывало,
Раскаянье брало начало.

Плывут миры, уходят в никуда,
Дорогою, что словно мир седа.
И люди шествуют под сводом млечным,
К могиле — сквозь невзгоды и года.
Цветы цветут красой недолговечной,
Чтобы увясть, исчезнуть без следа,
И радость многих божьих подопечных
Одновременно для других — беда.
Земная жизнь, ее закон извечный,
Привел бы нас к безумью, господа,
Когда бы этот мир бесчеловечный
Любовь не озаряла б иногда.

Твердит хулитель, злостью обуян:
Не равно все: там солнце, здесь туман.
То — совершенно в мире, то — ничтожно,
И это основной его изъян.
И впрямь: с орлом не сходен жук навозный,
Не сходен с певчей птицей таракан,
Большое с малым, сложное с несложным,
И с карликом не сходен великан.
Давайте исправлять, пока не поздно,
Несовершенный мир, что богом дан.
Чтоб низвести хребты в снегах морозных
До уровня оврагов и полян.
Чтоб стал алмаз булыжником дорожным,
Тюльпан — крапивой, мудрецом — болван.

Быстрее сравняйте всё, что только можно!
Пусть превратится в лужу океан.

Я погляжу, чем станет мир подзвездный,
Когда осуществится этот план.

* * *

Со скорлупой своей жемчужина слилась,
Как тело и душа, но не прочна их связь.
Блеснет жемчужина лишь ей присущим
светом,
От скорлупы своей навек освободясь.

* * *

Я знаю уверения пророка,
Что существует рай, хоть и далеко.

Что будет счастлив всяк, туда попав,
Кто здесь не знал соблазна и порока.

Но может статься, что пророк не прав,
Иль мы не поняли его урока.

И счастья в мире так и не познав,
Погубим жизнь, и в том не будет прока,

Не обретем мы рая, потеряв
Жизнь, прожитую во мгновенье ока.

Я не согласен, не таков мой нрав,
Быть праведным я не даю зарока.

К устам любимой и к вину припав,
Возьму свое до рокового срока.

* * *

Не слушай злой молвы, не повторяй дурного.
Судьба ко всем, увы, и без того сурова.
Что создается с таким большим трудом,
То рушится легко от пустяка, от слова.

* * *

Скорей печали, нежели венец
Посредством знания обретет мудрец.
Недаром с завистью порой глядит он,
Как радостен в неведении глупец.

* * *

Изрек один мудрец, седой старик:
— Три правила на свете я постиг.

Во-первых, не рассчитывай на дружбу
Людей богатых и земных владык,

Во всем, что дел касается серьезных,
Не доверяйся женам ни на миг.

И полагая, что берешь для пробы,
Себе не капай яда на язык.

Те добрые деянья хороши,
Что рождены от мягкости души.

Но то добро, что страхом рождено,
Приветствовать должны мы все равно.

Что порождает добрые деянья,
Не может быть предметом порицанья.

Не доверяй любовь словам своим,
Мы ими никого не убедим.
Любовь мужчин не терпит многословья,
Чем ярче пламя — тем прозрачней дым.

Тот не любил, кто измерял свой пыл,
Не выбивался из последних сил.
Тех далеко любовь не уводила,
Кто далеко в любви не заходил.

Чтоб впредь и счастливее быть и мудрей,
Два правила эти запомни скорей:
Пусть злоба не будет твоей госпожою
И радость не будет рабою твоей!

Вот голова твоя, мой друг,
А вот твоя рука.
Но как от головы до рук
Дорога далека!

Я видел город, город был велик.
Там люди жили, злые на язык.

Они всегда друг друга поносили,
Там и юнец бранился и старик.

В том городе кричали и вопили
И чудно жили под всеобщий крик.

КИПАРИС

О дерево свободы, кипарис!
Он смотрит вверх, а тень бросает вниз.

Он сохраняет вешний свой наряд
Зимой, когда листву теряет сад.

Его ветвей ничто к земле не гнет —
Ни суховеи, ни тяжелый плод.

Несет он отрешенность и покой,
Нас уводя от суеты мирской.

Под сенью кипарисов нам дано
В то верить, в чем изверились давно.

Слепые черви глубоко под ним,
Большие звезды высоко над ним.

* * *

Мудрец все ясное любит,
Храбрец опасное любит,
Страдающий печальное любит,
Надеющийся дальнее любит.

* * *

Одни из нас твердят, что бытие нетленно,
Другие говорят, что все земное бrenно,
А ты выслушивай все это неизменно,
И знай, что каждый прав, но прав не
совершенно.

* * *

Сперва на небе молния во мгле,
Потом огонь, потом — земля в золе.
И так оно всегда: по воле неба
Все беды, все печали на земле.

* * *

От сотворенья так уж повелось:
В стихах и в жизни — все дороги врозь.
Кто в вышину, кто в глубину стремится,
Но большинство идет куда-то вкось.

* * *

Увы, проходит жизнь, что нам дана,
Прошедшее никто вернуть не может,
Пусть будет пред тобою цель ясна.
В том, что рожден ты, не твоя вина,
Ты виноват, что жизнь напрасно прожил.

* * *

От колыбелей до могильных плит —
Вот путь единственный, что нам открыт,
Различье наше в том, как мы пройдем
Сей путь, что одолеть нам предстоит.

* * *

Ушедший хоть и не был всех дороже,
Мы заменить никем его не можем.

Тот, кто неповторим, незаменим,
А в мире нет людей во всем похожих.

Пусть не был он особенно любим,
Пусть жизнь свою он незаметно прожил,

Но мы еще пойдем, расставшись с ним,
Как без него пустынно в мире божьем!

* * *

Мы любим аромат пчелиных сот,
И запах сада, если сад цветет,

Нас одаряя радостью, как слово,
Которым славят человеческий род.

Но места избегаем мы такого,
Где слышен запах тленья и болот,

Что сходен с речью человека злого,
Который всех поносит и клянет.

* * *

Ты от бездельника не жди услуг:
Ему с тобой возиться недосуг.
Зато тебе всегда поможет друг,
Что трудится не покладая рук.

* * *

Что ни пошлет беда, что ни пошлет удача,
Приемли в жизни все, то радуясь, то плача,
И если счастье сам ты взять себе не мог,
Его не смогут дать ни царь земной, ни бог.

* * *

Мирза Шафи, что от тебя хотят?
Тебя то перевозносят, то хулят.

На это я ответил: «Что поделать,
Пусть обо мне дурное говорят,

Ничтожеству хулящих нет предела,
Но в слове лицемера больший яд,

Клеветники в меня пускают стрелы,
Но стрелы за спиной моей летят,

А лицемеры слово лести смело
Пустить мне прямо в сердце норовят!»

* * *

На звезды мы глядим в полночный час,
А солнце в полдень ослепляет нас,
Так темень лжи, что радость нам приносит,
Милее слова правды без прикрас.

* * *

Когда любовь я пел, за мною шла
И слава, и стоустая хвала,
Когда я сам вкусил земную радость,
Чтоб скрасить жизнь, в которой столько зла,
Мне люди позавидовали тотчас,
И потекла за мною вслед хула.
Мирза Шафи, людскому лицемерью
Доколь внимать ты будешь, как мулла.
Любви будь предан и вину будь верен,
Что в этом мире лучше их тепла?

* * *

Однажды говорил чертополох:

— Вы бесполезны, лилии и розы,
А мы приносим пользу, видит бог,
Нас пожирают и ослы, и козы.

Гусь говорил: — Послушай, соловей,
Как неразумно забавляться песней.
Кому ты нужен с песнею своей,
Вот мы — жирны, и этим всех полезней.

Поэту говорили дураки:

— Какая польза нам от песнопенья?
А у тебя ведь тоже две руки,
Возьмись за дело, покажи уменье.

...И мне из песен пользы не извлечь,
Велик ли прок, что плача и тоскуя,
Всю жизнь я песню превращаю в речь
И превращаю в песню речь людскую?

* * *

Великий дар небес — моя работа.
Не знает счастья кто не пролил пота,

Ты в горе утешенье мне даешь,
Ты — золото, а счастье — позолота.

И надо быть ленивцем и глупцом,
Чтоб от тебя бежать, искать чего-то.

Ты все: и посох мой, и путь прямой,
С пути сверну я — засосет болото.

Быть до могилы преданным тебе —
Вот на земле одна моя забота.

* * *

Я к свету шел, и путь мой был тяжел,
Но тьму ночную все ж я поборол.
Я через правду к песням приобщился,
Я через песни истину нашел.

* * *

Талант поэта — дар небес нетленный,
Ты озаряешь светом тьму вселенной.

Жизнь — это поле, ты на нем цветок,
От неба к сердцу путь благословенный.

Ты укрепляешь радость, лечишь боль.
Ты вечности крупица в жизни бренной.

* * *

О соловей, чья песня отзвучала,
Что не поешь теперь ты, как бывало?

Ответил соловей: «Я песню пел
Пока мне горе грудь переполняло,

Но расцвели цветы, и я обрел
Все то, чего мне раньше не хватало.

В саду шуршат листья, цветут цветы,
Ушла печаль, и песнь моя пропала!»

* * *

И солнце, нам дающее тепло,
И море, что к ногам моим легло,

Благоуханье роз, дыханье сада,
Когда весной в садах белым-бело,

И то, что к небесам от нас восходит,
И что с небес на землю снизошло —

Все у меня в душе переродилось
И жизнь вторую в песне обрело.

Красу не оценить
Неискушенным глазом.
Алмазы отгранить
Возможно лишь алмазом.

Я молод был и думал, как ни странно,
Что все на этом свете постоянно,

Но время шло, и я установил,
Что убеждение мое обманно.

Менялось все: я что-то находил,
Чего-нибудь лишался непрерывно.

Но снова мир меня разубедил,
И понял я: как жизнь ни многогранна,

Здесь, в царстве колыбелей и могил,
Изменчивость от века постоянна.

* * *

Мирза Шафи, трудолюбивый шмель,
Ты улетал за тридевять земель.
Ты собирал нектар, в себя вбирая
И сладкий хмель цветов, и горький хмель.

Мирза Шафи, довольно, видит бог,
Взлетев с цветка, искать другой цветок.
Лети назад, пусть сладкий хмель и горький
Переродится в хмель медовых строк.

* * *

Прекрасное нам даром не дают,
Во всякой красоте борьба и труд.

Готовые венки земля не дарит, —
Из сорванных цветов венки плетут.

Алмаз и тот готовым не находят:
Его шлифуют, и пранят, и трут.

* * *

Бог создал солнце, дал краям земным
Тепло и свет от края и до края,
Бог создал розы, и назначил им
Весной в садах цвести, благоухая.

Воздвиг хребты, чтоб на земле его
Белели горы, и ничто другое.
Аллах лишил души все, что мертво,
И наделил душою все живое.

Дал птицам крылья, чтобы ввысь лететь,
И морю волны, чтоб стремиться к суше.
Бог дал мне голос, чтобы песни петь,
И дал вам слух, чтоб эти песни слушать.

* * *

Для песни — рифмы сладкое звучанье,
Как для кокетки складки одеянья.
Ни рифмой, ни одеждой не прикрыть
Уродство или скудость содержания.

Звучание и звон колоколов
Зависят от того,
Какая медь.
Звучанье в песне заключенных слов
Зависит от того,
Кому их петь!

Никто не знает, где родится чудо,
Как появились крылья у орла,
Явилась песня первая откуда,
Откуда первая любовь пришла.

Хоть ты не выйдешь из своих дверей,
Хоть уплывешь за тридевять морей,
Ты все равно отмечен будешь веком,
Как медяки портретами царей.

Слыть праведными нет у нас причины,
В каком-нибудь грехе мы все повинны.

Кто в грех впадая, сам себе вредит,
Тот искупает грех наполовину.

Тот страшен, кто во зло другим грешит,
Щадит себя, другому целя в спину.

Вот что сказал один мудрец когда-то:
— Иным из нас без веры страшно вато.

Пусть верует несильный человек,
Чье сердце только верою богато.

Пусть вера будет крепостью для тех,
Кто с башен крепостных не целит в брата.

Но зло во имя веры — тоже грех,
А потому расплатою чревато.

Лишь доброта приносит нам успех,
Что зло родит, то не бывает свято.

Считает лишь дурак или злодей,
Что горе совершенствует людей,

Такое мнение сходно с заблуждением,
Что старый нож от ржавчины острей,

Что от дождей в ненастный день осенний
Вода в потоке чище и светлей.

Лучше вина без кувшина,
Чем кувшины без вина,
Лучше зерна без мякины,
Чем мякина без зерна.

Лучше деньги без кармана,
Нежели карман пустой.
Лучше и не брать кальяна,
Чем сосать кальян пустой.

По кладбищу мы как-то шли впотьмах.
Лежала мгла на плитах и холмах.

Вот новое надгробье в лунном свете.
Здесь богача лежит смиренный прах.

Сказал мой спутник: «Был богач бездетен.
И так всегда оскорбел о бедняках,

Что-все богатою завещал мечети,
Когда его призывал к себе аллах».

* * *

В один из дней очередной закон
Иранским шахом был провозглашен.

Я видел, как страна пришла в движенье,
Как был народ Ирана потрясен.

Гул одобренья, шепот умиленья,
По городу неслись со всех сторон.

Мирза Шафи, в своем уединеньи
Я был не меньше персов удивлен.

— Ужели, — думал я в недоуменьи, —
Иранский шах настолько неумен,

Что подданных ввергает в изумленье
Закон, когда он разумом рожден.

* * *

Поговорить собрались знатоки,
Весь день не унимались языки.

Средь мудрецов, согласно повеленью,
Сидел и я, желанью вопреки.

Но вот сказали мне: «Свое сужденье
О том, что ты слышал, изреки!»

Сказал я: «Слышу мельницы движенье,
Шум вала и течения реки,

Мне видно жерновов круговращенье,
Одно обидно: не видать мужи!»

* * *

В укромном месте, где бывать грешно,
Муллу мне встретить было суждено.

— Мирза Шафи, — узнал меня святоша, —
Тебя в мечети не видать давно!

— Не то что там муллу мне видеть тошно,
Но даже здесь, где можно пить вино.

* * *

Случайно как-то повстречав меня,
Спросил ученый каллиграф меня:

— Мирза Шафи почтенный, дай ответ,
Умен ли наш правитель или нет?

— По-моему, — ответил я ему, —
Ум шаха нашего под стать уму
И хитрости людей святого звания.
Носящих белоснежную чалму.

Способные понять, как глуп и слеп
Народ, что потом добывает хлеб,
Они нас держат под своей пятою —
Правители, вершители судеб.

ВЕЛИКОМУ ВИЗИРЮ

Визирь великий, не гляди надменно,
Не ты, а власть твоя страшна, хоть тленна.

В душе и те смеются над тобой,
Кто пасть готов и преклонить колена.

Ты в звездах и в одежде дорогой
Себя проносишь гордо и степенно.

Но все, чем приукрашен облик твой,
Позорно и смешно скорей, чем ценно.

Как ты, визирь, гордишься сам собой,
Сопровождая шаха неизменно.

При единице нуль и тот большой,
А без него ничтожен совершенно.

* * *

В одной большой стране,
Я был в чести большой,
Со мной, казалось мне,
Шах не кривил душой.

Владыке надоел
Подобострастья хмель,
Он правды захотел,
Что не слышал досель.

Он это объяснил
С улыбкою угрюмой,
И душу я раскрыл,
Все высказал, что думал.

Сказал я до конца
Всю правду, и тогда
Из шахского дворца
Был изгнан навсегда.

Мы, люди, не в подарок жизнь берем,
Мы смертны; нам дают ее в заем.

Но всякий долг дают для возвращенья,
Срок платежа все ближе с каждым днем.

Благодари же мир, лови мгновенье,
Что есть сейчас, то будет ли потом!

Проникни в сущность каждого явленья
И лишь тогда уже суди о нем.

Не будь служителем чужого мненья,
Имей свое сужденье обо всем.

Не требуй, чтобы мир свое движенье
Вершил тебе желаемым путем.

Не мы определяем направление,
Жизнь движется, и мы за ней идем.

Лишь тот на свете обретет счастье,
Кто сам кому-то принесет счастье.
Откуда начало полет счастья,
Туда обратный путь найдет счастье.

* * *

Счастливец тот, кто добротой богат,
Кто сам цветет, чужому счастьем рад.

Чужое счастье для людей хороших
Порой дороже собственных наград.

А тем, кто зол, всегда живется плоше,
Своим же злом себя они казнят.

Злость человека — тягостная ноша,
И наказание его и ад.

* * *

Всему бывает противоположность,
С добром враждует зло и с правдой ложность.

Непримиримы умный и дурак,
Вода и пламя, простота и сложность.

В саду враждуют роза и сорняк,
Сильней ее красы его ничтожность.

И розу побеждает сильный враг,
Но роза попирает безнадежность.

Ты слышишь — соловей, прорезав мрак,
Поет о ней, и — это непреложность.

* * *

С восторженным и радостным челом
Порой добро бессильно перед злом.
Для зла в борьбе приемлемы все средства,
Оно не ждет — а лезет напролом.

* * *

Не будь жестоким к тем, что норовят
Тебя обидеть словом или взглядом,
Будь, как гора: когда ее долбят,
Она молчит и раскрывает клады.

Пусть все кругом, не видя в том беды,
Тебе наносят боль без сожаленья.
Пока висят на дереве плоды,
В него бросают палки и каменья.

Будь щедрым в час, когда уж смерть видна,
Уже в предверьи ада или рая,
Как раковина, взятая со дна,
Что людям дарит жемчуг — умирая.

* * *

Есть представители людского рода,
Что всюду ищут потайного хода.

Они не понимают слов и дел
Простых и ясных, как сама природа.

У них суждение не всегда свое,
И слово из чужого обихода.

Они порою в хижинах живут,
И мы не замечаем их ухода.

Порой они приближены к дворцам,
И это бедствие всего народа.

* * *

Кто осторожность взял себе в закон,
Тот и нужды в раскаяньи лишен.
Тот не подсуден, кто не безрассуден,
Тот, кто благоразумен — не умен.

Коль хочешь мир познать, что скрыт в тени,
Ты в собственное сердце загляни.
А если сам себя познать захочешь,
Смотри, собой себя не заслони.

Есть некий дух. Он властвует везде:
И на земле, и в небе, и в воде.
Живет он в светлой мысли, и в бреду,
И в пламени высоком, и в чаду.

Орла он поднимает к далям синим,
Павлина надувает он гордыней,
Дарует он и песню соловьям,
И речь кликушам в наказание нам.

Он увлекает молодость в полет,
Стремление к власти глупости дает
И мудрости в какое-то мгновенье
Дарует силы для освобожденья.

Зимы предотвратить мы не вольны,
Но в наших силах ждать приход весны.
И в пряже заблуждений, может быть,
Мудрец отыщет золотую нить.

Ты для меня была и счастьем и святыней,
Огонь ты разожгла, и он горит поныне.

Огонь ты разожгла, погрелась и ушла,
Так греются купцы перед костром в пустыне.

Их караван стоял, пока лежала мгла,
Но караван ушел и скрылся в дымке синей.

Широкие следы пустыня замела,
Но угли все горят, и пепел все не стынет.

ПЕСНЯ О КРАСОТЕ

Я с песней о тебе блуждал по свету,
И в толчее базарных площадей
Я пел. И тот, кто слышал песню эту,
Был очарован красотой твоей.

Татарин забывал, что он татарин,
И забывал еврей, что он еврей,
Равно христианин и мусульманин,
Внимали песне о красе твоей.

Я песню пел кочующему люду,
Певцам, пришедшим к нам из-за морей,
Ушли они и разнесли повсюду
Молву и песню о красе твоей.

От милых щек я отнял покрывало,
Когда для всех земель и всех людей
Пел до конца и начинал сначала
Все ту же песню о красе твоей.

Все на земле увянет, все исчезнет,
Поблекнет красота на склоне дней,
Навеки сохранившись только в песне,
Пропетой мной о красоте твоей.

* * *

Красавицы, в своей любви просты,
Спешили перекинуть мне мосты,

Ведущие, как говорят, к забвению
Из мира повседневной суеты.

По шатким тем мостам я без волненья
Ступал, далекий от своей мечты.

Всем обладая, жил я с ощущеньем,
Что обладал лишь чувством пустоты.

А ты, моя любовь, мое спасенье,
Творенье доброты и красоты,

Того, что называют «наслажденье»,
Не даришь мне, с тобою мы чисты,

И все же мной владеет убежденье,
Что целый мир мне подарила ты.

* * *

Там за горами высится Казбек,
Седой Казбек, проживший долгий век.

Трезвонит речка у его подножья,
Внизу — весна, а на вершине — снег.

Мне кажется порой: с Казбеком схож я,
Большой седоголовый человек.

А ты — весна у моего подножья,
Ты — речка, начинающая бег.

ХАФИЗА

Босые в запыленных власяницах
Однажды из соседственной земли,
Чтоб нам к великой вере приобщиться,
В наш город проповедники пришли.

Они кричали — мир погряз в разврате,
И горе тем, чья совесть нечиста,
Что прегрешенья наши не оплатят
Ни слово, ни страдания Христа.

Они вздымали в небеса распятья,
Но до людей не доходил их зов,
И прешники просили доказать им
Правдоподобье доводов и слов.

Я никакого не приму ученья,
Не выскажусь ни против и ни за,
Покуда не сгорят мои сомненья
В огне твоих объятий, Хафиза!

Мой проповедник, все на свете зыбко,
Открой свою мне веру, Хафиза!
Есть довод у тебя — твоя улыбка.
Есть доказательство — твои глаза.

* * *

Смешной мой друг, глупец мой дорогой,
На все вокруг зришь ты с тоской,

Я вижу, как страдаешь ты от боли,
Но ранил ты себя своей рукой.

Мечтаешь о покое и о воле,
И сам же разрушаешь свой покой.

Я так тебе сочувствую, тем боле,
Что на беду себе я сам такой.

* * *

О юноша, душою не криви,
Любовь свою несчастьем не зови,
Не превращай, бедняга, сердце в келью,
С монашескою в образе любви.

Твоя печаль притворщице — веселье.
Но ты однажды трезвость прояви,

Чем больше разума в твоём похмелье,
Тем больше пламени в её крови!

* * *

Того, кто грешной страстью не влеком,
Сравню я с пересохшим ручейком,
Все ручейки звенят, стремятся к морю,
А он в пустыне занесен песком.

Мельканье лиц, пространств, имен, времен,
Вся жизнь земная — это страшный сон.
Лишь тот находит в этом сне забвенье,
Кто хоть на миг любовью озарен.

К концу подходит жизнь моя земная
И я предстану пред вратами рая,
Где праведники с робостью тупой,
В неведеньи толпятся, ожидая.
И я смешаюсь с пестрою толпой,
Ни страха, ни сомнения не зная.
Что рай небесный, если рай земной
Открыт мне был от края и до края.
Ты райские врата передо мной
Раскрыла на земле, моя родная!

И в молодости и на склоне лет
Мы любим женщин, в том позора нет,
Когда ж они кого-нибудь полюбят,
То им весь свет с презреньем смотрит вслед.

Мой друг, не жертвуй сердцем молодым
Во имя той, что дорожит своим.

Того из нас к безумцам причисляют,
Кто любит, сам не будучи любим.

И всё ж любимых все обожествляют,
Известно, кто любим, тот не судим.

А сердце милых глиняным бывает,
Хоть мы его считаем золотым.

Всех к пропасти ведет одна дорога,
Порой она крута, порой полого.

Борясь с бедою, мы по ней идем,
Одолевает нас одна тревога.

Мы хлеб земной жуем и воду пьем,
Пока нам здесь не подвели итога.

Между небытием и бытием
Лишь ты, любовь — наш светоч и подмога.

Ты схожа в смерти с сорванным цветком:
Он в запахе живет еще немного.

Когда тебе хотел я свить венок,
Искал цветы и отыскать не мог.
Теперь, когда уж нет тебя со мною,
Цветут цветы, моих касаясь ног.

* * *

Будь, любящий юнец, не робок, не горяч,
Застенчивость в любви — причина неудач.
Не будь, любимая, чрезмерно неприступна:
Чтоб жил его огонь, ты своего не прячь!

* * *

Не все, что происходит с нами — сладко.
Но пить из чаш хмельное пламя — сладко.
И милую в объятья заключив,
Соединять уста с устами — сладко!

* * *

Однажды песню спел на склоне лет
Дервиш индусский, суфий и поэт.

В той песне пелось: «Червь ничтожный создал
Тяжелый шелк, в который ты одет,

И злато, услаждающее взор твой,
Из темных недр извлечено на свет.

Возникшее из тьмы во тьму стремится,
Не долговечен ни один предмет.

Нетленен только дух, рожденный светом,
Ему вовеки окончанья нет.

Рожденный светом, он стремится к святу,
Смерть побеждая, оставляя след».

* * *

Порой мужей угрюмых ум и знанья .
Нам скрашивают мрак существования.
Так, возникая в черных облаках,
Тьму озаряет молнии сиянье.

Создание мудреца — ума достойный плод
Венчаем мы венком — вершиной всех красот.
Ум красоте дает уверенность и силу,
А красота уму законченность дает.

Не всем стремленьям сбыться и мечтам, —
Путь к истине не легок и не прям,

Мы — должники, и каждое мгновенье
О долге жизнь напоминает нам,

И посылает кару — заблужденье,
Чтоб нам принадлежать к его рабам.

* * *

Тоскливой песней тишину ветвей
Залетный оглашает соловей.

Спят успокоенные песней вечной
Луна и гладь реки, и ширь полей.

Одна любовь не дремлет в этот вечер,
Ее не видят те, кто виден ей.

Забыв все горе, всё противоречья
Спят люди, и поет им соловей.

* * *

Кинжал тем лучше, чем острей,
Хоть острый тупится быстрее.

* * *

Игрок, поддавшийся азарту,
Не уповай на милость бога!
Игрок, что ставит все на карту,
На карту ставит слишком много.

* * *

Мудрец блуждать не станет день-деньской,
Ища предмет, который под рукой...
Мудрец тянуть не станет к звездам руку,
Чтоб засветить свечу перед собой.

У каждого из нас свое предназначенье,
Кто любит поучать, кто слушать наставленья.

Но большинство людей предпочитает тьму,
Для многих слепота спокойнее прозренья.

И знает лишь мудрец: не свойственно уму
Служенье суете и духа расточенье.

Но даже в суете, в ее густом дыму,
Хоть совершенствуйся ценою заблужденья.

Один пропойца, потерявший стыд,
Лежал в грязи, ободран и побит.

Ворчал он пьяно: «Свет попряз в разврате,
Весь мир в грязи, его ужасен вид!».

Подумал я об этом человеке,
Как он в себе уверен, что брюзжит

И видит мир, погрязшим безнадежно,
А между тем, лишь сам в грязи лежит.

* * *

Восславим самый дельный,
Мой самый зрелый шаг,
Когда я из моленной
Направился в кабак.

В своем тупом смиреньи,
Зачах бы я давно,
Но юность во мгновенье
Вернуло мне вино.

Так пей, покуда пьется,
Покуда льется — лей,
Нам во хмелю поется,
Живется веселей.

* * *

Учитель мой — Хафиз,
Мой храм — питейный дом.
Я прихожу в кабак —
Все ходит ходуном.

Я лучшим людям мил,
Я в их допущен круг,
Весельчаков-кутил
Я самый первый друг.

Ступлю я на порог —
Ликует весь кабак.
Для пьяных — я пророк,
Для трезвых — я чужак.

Аллах, благослови,
Позволь направить нам
Свои сердца к любви,
А ноги к кабакам.

Могу я рай земной
Себе представить так:
Мечети ни одной,
И под рукой кабака,

Где удастся мне
Во время пития
Разгадывать на дне
Загадки бытия.

* * *

Оставь ханжам все, чем они
Сильны и славны искони —

Все добродетели оставь им,
О господи, продли их дни!

А мне оставь мои пороки
И с ними юность сохрани.

Не дай сгореть моим посевам,
Увянуть им не дай в тени!

Мои ручьи, мои напевы
Не иссуши, не обедни!

Чтоб песни петь, оставь мне силы,
И вдохновеньем осени!

* * *

Ханжи клеймят нас неизменно,
И ночью нас хулят и днём.

И требует их судный глас,
Чтоб каялись мы неизменно.

И проклинает грешных нас —
Весь род до сотого колена.

И слово злобное подчас
В глазах иных людей — священо.

Глупцы, я уверяю вас,
Что вера, как неверье, бrenна,

Что ненависть всегда прешна,
Любовь всегда благословенна.

* * *

Уменье пить не всем дано,
Уменье пить — искусство.
Тот не умен, кто пьёт вино
Без мысли и без чувства.

Вино несёт и яд и мед,
И рабство и свободу.
Цены вино не знает тот,
Кто пьёт его, как воду!

Люби вино, как я люблю,
В любви своей не кайся,
Не зазнавайся во хмелю,
Но и не опускайся.

Одних вино влечёт в полёт,
Других сшибает с ходу.
Цены вино не знает тот,
Кто пьёт его, как воду!

Рождает в нас пьянящий сок
 И блажь, и откровенье.
 В нем — созидания исток
 И жажда разрушенья.
 Вино поблажки не даст
 Тем, кто ему в угоду
 Порой себя не бережет,
 Кто пьет вино, как воду!

* * *

Два верных спутника — вино и слово.
 Без одного не мыслю я другого.
 А без обоих мир уныл и пуст,
 Без них мертво существованье наше.
 Пусть шутка новая слетает с уст
 И старое вино бушует в чаше.

Играет в чашах винных сок веселый,
 Не может избежать его следа
 Ни молодости подбородок голый,
 Ни старости седая борода.

Мы пьем вино, и чем виднее дно,
 Тем выше нам взвиваться суждено.
 Над серостью равнин, небес касаясь,
 Стоят хребты, теряясь в облаках,
 Над трезвостью унылой возвышаясь,
 Стоят певцы с бокалами в руках.

Вином и песней скучный мир украшен,
Но если мы поймем, что это тлен,
И замолчим, и отодвинем чаши,
Что ты, аллах, нам сможешь дать взамен?

* * *

Я склонен полагать, что не умно
То отвергать, что жизнью нам дано,

Себя оберегать от наслажденья,
Сжимать уста, чтоб не текло вино.

Всем радостям я возношу моление,
Молиться им, ей богу, не грешно.

Пока дурак дождется вознесенья,
Мне быть в раю при жизни суждено.

Муфти сулит мне адские мученья,
Что станется потом, не все ль равно?

Я часто слышу предостереженья,
И мне скорей не страшно, а смешно.

* * *

Счастливей всех пришедших в мир гостей:
Не чужд я ни пороков, ни страстей.

Пока земля сама себя вращает
Бессмысленно вокруг оси своей,

И люди радостей не замечают,
Но безуспешно ищут к ним путей,

Пока святоша плоть свою терзает,
Надеясь на приход счастливых дней,

И то мулла твердит, в чем понимает
Не больше им обманутых людей, —

Я сладкую молитву повторяю
У ног любимой женщины моей.

Не надо мне, аллах, иного рая,
Мой рай земной небесного светлей.

* * *

Пусть над землею громыхает гром,
Гроза пугает градом и дождем,
Мы пьем вино за дружество людское,
О счастье человеческом поем.

Гроза бессильна, буря не страшна
Владычеству красавиц и вина.
Я знаю: там, где ангелы витают,
Смиренен и бессилен сатана.

Когда прольется в грязь,
То станет грязью тоже.

Вино сравню с дождем:
Под благодатным небом:
Падет на чернозем,
И вскоре станет хлебом.

* * *

Несет вино всегда
И горечь нам, и сладость.
Течет оно всегда
На горе и на радость.

Мы знаем издавна:
Зависит емкость чаши
И качества вина
От дарований наших.

Известно всем давно,
Что так оно бывает:
Глушцов пьянит вино,
А умных вдохновляет.

Скажу я не боясь,
На дождь вино похоже:

* * *

Пьют соловьи росу — напиток ночи,
Они умны и знают что к чему.
Певцы, мы в чаше винной губы мочим,
И мы умны, мы знаем что к чему.

О берег бьются, пенны и бурливы.
Морские волны, оглашая тьму,
В морях вина приливы и отливы
Понять нам помогают что к чему.

Вино есть бог, всегда оно дорогу
Указывает сыну своему.
Тем рай открыт, кто приобщился к богу,
Молясь вину, мы знаем что к чему.

* * *

Когда зимой повсюду снег и лед,
Я пью и верю, что весна придет.
Я пью потом, когда весна приходит,
Приветствуя вином ее приход.

* * *

— Мирза Шафи, заладил ты одно,
Все про любовь поешь, да про вино,
А это нам наскучило давно,
Все, что чрезмерно, то надоедает.

О чем же петь, подайте мне совет,
Здесь на земле, где столько зла и бед,
Любовь и хмель — единственный просвет,
А светлое чрезмерным не бывает.

* * *

Всему на свете свой черед:
Пока ты юн, вздыхать не надо,
А если старость подойдет
Себя юнцом считать не надо.

Не остается трав зимой,
Весною льда не остается.
Потом от юности былой
В нас и следа не остается.

Юнец, пока ты юн и смел
Затворником сидеть не надо,
Мудрец, когда ты постарел,
Грешить и громко петь не надо.

* * *

Лоз виноградных сок, какой же в нем порок,
Когда его, как все, дарует людям бог?

Пей этот сок всегда,
Но пей, чтоб ввысь стремиться
И никогда не пей, чтоб в грязь валяться с ног.

Но руку дай тому, кто может оступиться,
Приди к нему, пусть он не будет одинок.

Когда потом с тобой такое же случится,
Помогут и тебе, как ты ему помог.

* * *

Мне каяться пора, но не могу,
Сойти с пути порока нету силы.
Я — грешник, и кручусь я в том кругу,
Который ты мне взглядом очертила.

Святоши душу берегут мою,
Дорогу в рай мне указуют властно,
Но мы с тобой давно уже в раю,
В другом раю не вижу я соблазна.

Ханжи о небесах кричат не в лад,
Но нет на небе рая никакого:
Об истинном блаженстве не кричат,
Я о своем не говорю ни слова.

Мнят вороны, что грешен соловей:
Несчастья он накаркивать не хочет.
Я, проклятый, счастливей тех людей,
Которые несчастье мне пророчат.

Мирза Шафи, ты пой и пей,
В беде не хмурься строго,
И радуйся, что всех светлей
Твоя дорога.

* * *

Блажен, кто счастьем наделен
В час пира и похмеля,
Тот, кто для лепких чувств рожден
И для веселья.

Тот счастлив, в ком способность есть
Плевать на все на свете,
Кого смешит вельможи спесь
И мрак мечети.

Мне в этой жизни повезло:
Я почитал на деле
Священным лишь одно число —
Семь дней недели.

И хоть морщинки на лице
Они мне начертали,
Но были счастливы в конце,
Как и в начале.

Но если есть там острослов,
Который петь умеет честно,
С ним поменяться я готов
И ремеслом своим и местом.

* * *

— Мирза Шафи, писать да петь,
Ужель тебе не надоело?
Ты в жизни мог бы преуспеть,
Остепенись, возьмись за дело.

Пройди в меджлис и послужи,
Достигнешь многого, быть может,
Возьми в пример Мирзу-Гаджи:
Он был ничем, а стал вельможей.

— Нет, брат, не надобно ума,
Чтоб в нашем заседать меджлисе
Средь тех, для чьих голов чалма —
Прекрасная замена мыслей.

Благодарю тебя за честь,
Не будут мне в меджлисе рады,
И кто меня заменит здесь,
Слагая песни без награды?

* * *

Чтоб ни случилось, ясно мне одно:
Не опущусь я, не скачусь на дно,
Покуда шутка добрая со мною
И предо мною доброе вино.

Была бы жизнь мрачнее во стократ,
Остался б скрытым многих песен клад,
Когда б его не извлекли наружу
Любовный хмель и винный аромат.

Где зрел бы виноград не будь равнин,
Не будь в горах предгорий и долин?
Я знаю, если б не было подножий,
Быть не могло и снеговых вершин.

В туманной дымке шутки и вина
Тебе моя вершина не видна.
Но пред тобой лежит мое подножье
Вся широта моя и глубина.

МУШТАХИД* ПОЕТ

Коль мусульмане все с пути греха сойдут,
На верный ступит путь весь правоверный люд.
Зачем тогда мой разум и познания?

Коль страждущий в беде
Лекарство сам найдет,
И жаждущий к воде дорогу сам найдет,
С кого тогда собрать сумею дань я?

Я лучше буду сам источники мутить,
Чтоб люди без меня не знали, где им пить,
И зря не пропадут мои старанья.

Я лучше буду сам ввергать заблудших в грех,
Чтобы потом спасать и быть нужнее всех.
Всем озаряя мрак существования.

МИРЗА ШАФИ ПОЕТ

Во всем различны я и муштахид
Различны наша суть и даже вид.

Хоть муштахид, как я, посредством слова
Дать людям утешенье норовит.

Но говорит святоша бестолково,
И если я пою, то он визжит.

Он сердце жиром защитил надежно,
А у меня за всех оно болит.

Мой ум — на языке, а друг мой ложный
Не думает того, что говорит.

Коротконогий, он подобно утке
Ступает гордо, и порой крихтит.

Пыхтит, как будто у него в желудке,
Весь груз людских проступков и обид.

Он мельтешит, моя — пряма дорога,
Где я шучу, клянет он и стыдит.

Открыто я смеюсь над ним, ей богу,
Он за спиной моей меня хулит.

Меня его хула смешит немного,
Моя насмешка муштахида злит.

* * *

Мирза-Юсуф, начитанный пиит,
Он умно о Хафизе говорит.
Джами читал он, Хагани читал он,
И смысл корана для него открыт.

Чужое слово из прочтенных строк,
Хоть и не ново, но годится впрок.
Мирза-Юсуф в чужое оперенье
Свои творенья скучные облек.

Он склонен полагать, что не грешно
Взять где-то рифму иль словцо одно.
Мирза-Юсуф, гордясь чужой одеждой,
То говорит, что сказано давно.

А я пишу и мучаюсь, чудак,
Мне кажется: все плохо, все не так,
Бреду необетованной землею,
Где нет дорог, где беспросветный мрак.

В чужом ручье мне слов не почерпнуть,
Чтоб их извлечь, я разрываю грудь.
Прикрыть я не умею пышным слогом
Чужую мысль, нестоящую суть.

Удача мне сопутствует не сплошь,
Но верю я, что никакую ложь
Чужим красивым словом не прикроешь,
Плохую песню рифмой не спасешь.

* * *

Изъянов у Мирзы-Юсуфа нет,
И потому клянёт он белый свет,
В котором он достоинств не находит,
Ругая всех в глаза и за глаза,
За то, что люди и поют и ходят
Не так, как хочет он — Юсуф-Мирза.

Мирза-Юсуф походит на вола,
Чей голос груб и поступь тяжела,
За лёгкость этот вол не любит ланей,
А соловья за то, что голосист,
За то, что не походит на мычанье
Пленивший землю соловьиный свист.

* * *

Легко мне петь и чаши осушать,
А ты, Мирза-Юсуф, ворчишь опять.
Я слишком пьян, чтоб на тебя сердиться,
И слишком трезв, чтобы тебя понять.

Тебя ругать? Не стоит тратить силы:
И так тебя природа обделила;
На той земле, где все вокруг цветет,
Лишь одному тебе ничто не мило.

* * *

Кура у ног моих; у самых ног
Поет и плачет желтая вода.
И солнце опускается в поток.
О, если б так осталось навсегда!

Сосуды придвигаются ко мне,
Я пью, и забывается беда,
И взгляд любимой вижу я на дне,
О, если б так осталось навсегда!

На свете ночь, на небе солнца нет,
На небе звезды, и любовь — звезда.
Чем гуще мгла, тем ярче звездный свет,
О, если б так осталось навсегда!

Пусть в двух морях твоих безбрежных глаз
Бурлит моя любовь, иди сюда,
Темно вокруг, никто не видит нас,
О, если б так осталось навсегда!

* * *

Я уходил, но прибегал опять,
Мне сердца от тебя не оторвать.
К тебе мои мечты все время рвутся,
И нету силы, чтобы их сдержать.

В моих глазах опять блеснит слеза.
В моих глазах опять твои глаза.
Лоза не может к солнцу не тянуться.
А мы с тобой: ты — солнце, я — лоза!

* * *

Как много в небе звезд, горящих неустанно,
И каждая звезда, как маленькая рана.

Но в небе меньше звезд, чем ран в моей груди
От гнева твоего, жокетства и обмана.

На свете обречен весь век прожить во тьме,
Тот, чья избранница жестока постоянно.

Вскипает в жилах кровь и с губ слетает стон,
Опять в моих глазах блестит слеза незванно.

Вам эту песню спел Вазех, в чьем сердце боль,
Как черное пятно на лепестке тюльпана.

* * *

Идем к одной мы цели — я и ты.
Одну мы цепь надели — я и ты.

Ты в сердце у меня, я — у тебя,
Все остальное делим — я и ты.

Порой две рыбки на одном крючке,
Мы дышим еле-еле — я и ты,

Порою, как с орлицей орел,
Мы кружим в беспредельи — я и ты.

* * *

Восходит солнце из-за гор,
И в отдаленьи где-то
Огнем горит морской простор
От солнечного света.

Как солнце, твой сияет взор,
И где-то в отдаленьи,
Моих стихов морской простор
Зажгло твое свечение.

* * *

Весна одела землю в свой наряд.
В зеленый — луг и поле, в белый — сад.

О, как всегда был счастлив я весною,
Как был всегда ее приходу рад.

Была еще любимая со мною
Весною прошлой, год тому назад.

Теперь сады весенней красотой
Обиду мне напомнить норовят.

* * *

Постой, мой друг, сверни со своего пути,
С тропой моей любви свою тропу скрести!

Мне очень тяжело: пронзенный женским
взглядом

Я сердце потерял и не могу найти.

Куда б я ни глядел, она со мною рядом
Куда бы я ни шел, я не могу уйти.

Пред ней небесных звезд склонились мириады,
Достоинство свое не в силах соблюсти.

Но жизнь спешит вперед, опять весне мы рады,
В шатре моем вино, о, господи, прости.

Попробует Вазех забыть свою досаду
И с другом вновь покой и счастье обрести.

* * *

Когда ты предо мной, то предо мной туман,
И в сердце боль остра, боль незаживших ран.

Шейх запрещает мне и думать о тебе.
Что знает он о тех, кто страстью обуян?

Ты — солнце, я — луна, без солнца нет луны,
Я озарен тобой, тобою осиян.

Тобою вознесен, тобой повержен в прах,
В ничтожестве моем, как мне обнять твой стан?

И все ж, когда, Вазех, я о тебе пою,
И сладко на губах, и без вина я пьян.

* * *

Доколе будет у тебя
Морозно, словно снег, сердце
Пред теми, кто горит любя,
Кто сжег свое навек сердце?

* * *

За поцелуй моей любимой смело
Продам я душу, и отдам я тело.
За поцелуй я жизнь свою отдам,
В разлуке с милой жить мне надоело.

МУХАММАСЫ

Ты — султанша на троне в стране красоты,
Сусани,
Ты в садах благосклонности садишь цветы,
Сусани,
То меня окрыляя, то руша мечты, Сусани!
Жертва гнева и жертва твоей доброты, Сусани,
Я готов ко всему, что назначишь мне ты,
Сусани!

Пред твоими кудрями от зависти колос поник,
И осанке твоей позавидовал тонкий тростник.
И поникли тюльпаны, увидев прекрасный твой
лик,
Я поник потому, что ты сердце пронзила мне
вмиг,
Потому что я понял: надежды пусты, Сусани!

С чем сравнить мне твой лик? Днем он солнце,
а ночью луна.
Он хмельных отрезвляет, а трезвых пьянит
допьяна.
Распусти свои кудри, приди и легка и стройна.
Пред тобою неверью и вере — ничтожна цена.
Освященные взглядом твоим — все чисты,
Сусани!

Как подходит плечам твоим белым муар и
атлас,
Награждать и карать подобает зрачкам твоих
глаз.
Скажешь слово над мертвым — и мертвый
воскреснет тотчас,
Скажешь слово живому, и вслед за тобою от
нас
Он уйдет и сожжет за собою мосты, Сусани!
Солнцу в небе и то каждый день заходить
суждено.
Пред тобой, вероломной — лучи преклоняет оно,
Что же мне говорить: жизнь ли, смерть
мне теперь все равно.
Ты Вазеха от веры отцов отвратила давно,
Нет ни веры моей, ни былой правоты, Сусани!

* * *

Откинь чадру назад, откинь чадру!
В своей чадре идешь ты, как в чаду.
За тучу прятаться не должно звездам,
Не должно розам прятаться в саду.
Тебя аллах такой красивой создал,
Чтоб ты цвела у мира на виду.
Откинь чадру назад своей рукой
От черных кос, стекающих рекой,
От губ подобных лепесткам тюльпана.
У смертных отнимающих покой,
И в Турции у самого султана,
Я знаю, нет красавицы такой.
Под черной сеткой ты едва жива,
Откинь чадру, услышь мои слова,
Откинь чадру назад, мы не осудим,
Прекрасна ты, а потому права,
Откинь чадру назад на радость людям,
Откинь для собственного торжества!

ТИФЛИС

Есть города приятнее для глаз,
Но все-таки прославился Шираз
Великой красотой, подтвержденной
Стихом Хафиза много тысяч раз.

На свете лишь поэты могут вмиг
Поднять рабов и в грязь втоптать владык,
Великим сделать то, что не велико,
Того ничтожным сделать, кто велик.

Слова Хафиза убедили нас,
Что края нет прекрасней, чем Шираз,
Поэт булыжник города родного
Посредством слова превратил в алмаз.

И наш Тифлис напоминает сад,
Здесь винный дух, цветочный аромат,

Спокон веков прекрасный этот город
Поэтами и песнями богат.

И ты, Мирза Шафи, воспой Тифлис,
Как город свой родной воспел Хафиз.
Воспой Тифлис, и песнею своею
Над городами прочими возвысь!

Мирза Шафи, твои напевы — рай
Для всех красот, чем славен этот край.
Вино, любовь — все, что в стихах воспето,
Благослови, аллах, а не карай.

Мирза Шафи, твои напевы — ад.
Для всех святош, что судят и брюзжат.
Мирза Шафи, ханжей твои напевы
Сильней геенны огненной страшат.

ШИПЫ И РОЗЫ

Соседку, злее, чем голодный пес,
Послал мне бог, вернее — черт принес,

Она бранится, устали не знает,
Тихоню-мужа доведя до слез.

Порою он несмело отвечает,
Она кулак бедняге тычет в нос.

Когда же он смиренно замолкает,
Она кричит: «Иль твой язык прирос!»

Мы все под богом; кто не обижает
Людей нам близких в шутку иль всерьез.

Ведь без шипов и розы не бывает,
Беда, коль есть шипы, но нету роз!

ТИМУР

«Тому беда, кто жаждет разрушенья,
Кто ищет в трупах славу и забвенья.

Его молитвы не услышит бог,
И своего не даст благословенья!» —

Так пел певец, и в золотой чертог
Влетела песнь, и шах пришел в смятенье.

— Кто там поет? — в волненьи шах изрек,
И мигом стражники пришли в движенье.

И пал певец во прах у шахских ног.
Что скажет он для своего спасенья?

— Ни в чем я не повинен, видит бог,
Дар песнопенья — божье озаренье!

— Я властен над тобой, — промолвил шах, —
И проклянешь ты, раб, своё рожденье!

— Ну что ж, — сказал поэт, — велик аллах!
Чтоб делать зло, не надобно уменья.

Вершит убийство и зверье в лесах
И даже мертвый камень в миг паденья.

Погасло пламя гневное в глазах,
Правитель погрузился в размышленье.

Он поднял знаком павшего во прах:
— Ступай и не пытай мое терпенье!

С тех пор владыка, говорят, зачах,
С тех пор он смерти ждал, как искупленье

До самого конца в его ушах
Звучала песня, словно осужденье.

И слышал царь, внушавший миру страх:
«Тому беда, кто жаждет разрушенья,

Того к себе не призовет аллах,
И своего не даст благословенья».

— Пусть прегрешенья нам аллах отпустит,
В твоём служеньи богу проку нет.
Полезней посадить в пустыне кустик,
Чем мучиться без пользы двадцать лет!

ПУСТЫННИК

Пустынник с опаленной солнцем грудью
Явился к Зороастру, бос и наг.
Сказал отшельник:

«Путь мой чист и труден,

Я богу посвящаю каждый шаг.
А между тем небесным благам люди
Предпочитают соль преховных благ!

Я двадцать лет жую одни корни
В пустыне, что безлюдна и тиха,
В молитве обретая наслажденье
И в чтении священного стиха,
На свете только самоотречение
Ведет к освобожденью от греха.

И Зороастр с улыбкой не без прусты
Промолвил так пустыннику в ответ:

ИБРАГИМ СЫН АБДУЛЫ

Жил старый Ибрагим
И праведно и строго,
Был путь его прямым,
Добра он сделал много.
О боге ничего
Он слышать не хотел,
И дела не имел
С прислужниками бога.

Не то чтоб Ибрагим
Не знал в неверьи меры,
Сойдясь с муллой одним,
Он отошел от веры:
О божием суде
Мулла ему твердил
И к слову приводил
Ужасные примеры.

Нас грешных, божий страх
Порой гнетет и душит.
Нам говорят: аллах
На грешных гнев обрушит.
Чем смертного простить,
Погрязшего в грехах,
Великий наш аллах
Скорей весь свет разрушит.

Я думаю — господь
В день светопредставленья
Промолвит: «Ибрагим,
Ты заслужил прощенья.
Ты мне милее тех,
Кто именем моим
Клеймит проклятьем грех,
Ввергая всех в смятенье.

НАВОДНЕНИЕ

Однажды, вышла из повиновенья
Река большая; было наводненье.
Вода на горе людям и скоту
Несла повсюду смерть и разрушенье.

Неслась вода, с прибрежным камнем споря.
Неслась вода и причиняла горе.
На горе людям погибало все,
Что не нашло спасения на взгорье.

Гром грохотал, блестели вспышки молний,
И шах сказал: «Кто обуздает волны,
Тому я сам и почести воздам,
И все его желания исполню!»

Один мудрец, не зная заклинаний,
Но обладая нужной суммой знаний,
И видя, что вода идет на спад,
Сказал: «Конец приходит испытаний!»

Его слова услышал плут великий,
И молвил так, упав перед владыкой:
«Я всех спасу, но скупостью своей
Ты нового несчастья не накликай!»

И шах не пожалел чинов и денег,
И стал казнохранителем мошенник,
Когда река вошла в свое русло,
Как и бывает после наводнений.

Шептались простаки со стариками,
А старики качали головами
И понимали, как легко владык
Опутывать обманными словами.

ДЕРВИШ

С толпою приближенных,
Со свитой стражей конных
На вороных конях,
Объезд краев исконных
Свершал великий шах.

«Будь славен, шах великий», —
Кругом кричал народ,
И лезли все вперед,
Чтоб пасть перед владыкой.

Один дервиш убогий
На всех не походил.
Сидел он у дороги,
Безмолвие хранил.

И самый именитый
Придворный аксакал,

Вдруг отделясь от свиты,
К безумцу подскочил.

«Коль ты, молчальник кроткий,
Безмолствовать привык,
Так выдерут из глотки
Ненужный твой язык!»

И шах — правитель строгий —
Остановил коня:
«Ты почему, убогий,
Не падаешь мне в ноги,
Приветствуя меня?»

Дервиш ответил внятно:
«Мой шах, ты знаешь сам —
Случалось попадать нам
Под власть к твоим врагам.

И вся толпа, бывало,
Нимало не скорбя,
Твоих врагов встречала
Не хуже, чем тебя.

Тебя я не в гордыне
Молчанием встречал,
Безмолствовавший ныне,
Я и тогда молчал.

Любовь не расцветает
Там, где таится страх,

Она не на устах,
А в сердце обитает.

И если только силой
Ты в силах управлять,
Казни меня, не милуй,
Ты властен убивать!»

Но шах, смягчившись прежде,
Чем кликнуть палача,
Дал нищему одежды
Со своего плеча.

Придворных озадачил,
Когда он не льстеца, —
Молчальника назначил
Советником дворца.

С тех пор судил и правил
Добром великий шах.
Народ владыку славил,
Но славил не за страх.

Шах до скончанья века
Благословлял тот час,
Когда он Человека
Себе на счастье спас.

И думал шах в смущеньи:
«Ни раб, ни аксакал,

Сей нищий уваженья
Мне под ноги постлал»

И понял шах великий,
Что мерят лишь рабы
Достоинства владыки
Покорностью толпы

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

На азербайджанском языке

Салман Мумтаз. Мирза Шафи Вазех. Из серии «Азербайджанская литература», издание газеты «Коммунист», Баку, 1926.

Сеидзаде А. А. Мирза Шафи Вазех «Ингилаб ве медениет». № 9, 1929.

М. Рафили. Мирза Шафи и Фридрих Боденштедт, «Адабият газети», 15 января, 6 февраля, 10 апреля 1938 года.

М. Рафили. Превращение азербайджанца Мирза Шафи в нецма Боденштедта», «Адабият газети» № 57, 1938.

М. Рафили. Успех Мирза Шафи в европейских странах, «Адабият газети», № 54, 1938.

На русском языке

А. А. Сеидзаде (Заки). Мирза Шафи Вазех, Гянджа, 1929.

И. К. Ениколопов. Поэт Мирза Шафи, Баку, 1939 (имеется перевод на азерб. яз.).

М. Рафили. Сабухи (сценарий), «Литературный Азербайджан», № 4, 1941.

А. А. Сеидзаде. Мирза Шафи или Боденштедт? Баку, 1940.

М. Рафили. Мирза Шафи в мировой литературе. Баку, 1958 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
Из песен остается на века	11
Речь громкая порой ничем не блещет	12
Приветствовали вы мои сужденья	13
Слышал я, что люди говорят	14
Если ты умен, иди к глупцам	15
Брань и хула людская — все ничтожно	16
Грешит нередко мудрость простотой	17
Где рай земной? — вы спросите меня	18
Уж лучше пусть не обретут признанья	19
У каждого из нас своя земная	20
В потоке бурном, что ревет и злится	21
Содеявших добро порою ждет награда	22
Как надо жить: счастливо или честно?	23
Разумно рассуждать куда как мудрено	24
Сложна дорога жизни, но она	25
Один глупец, постигший все науки	26
Чтобы ты ни говорил, но рушить смысла нет	27
Поднимет ветер пыль и до небес взметет	28
Благоразумный важен и учен	29
Иным из нас богатство и почет	30
Так песни пой, как будто день далек	31

— Тебя опять обманывают, брат!	32
К нам не извне приходит озаренье	33
На тропах счастья, на дорогах бед	34
Жизнь — это поле, где цветут печали	35
Минует все: и радости и страсти	36
Мы в суете как бы гонясь за тенью	37
Над миром глупость властвует, и это	38
Счастливцев тот из нас, прошедший испытанья	39
То, что скажу я, может и не ново	40
Где гнев кончался, там бывало	41
Плывут миры, уходят в никуда	42
Твердит хулигель, злостью обуян	43
Со скорлупой своей жемчужина слилась	45
Я знаю уверения пророка	46
Не слушай злой молвы, не повторяй дурного	47
Скорей печали, нежели венец	48
Изрек один мудрец, седой старик	49
Те добрые деянья хороши	50
Не доверяй любовь словам своим	51
Тот не любил, кто измерял свой пыл	52
Чтоб впредь и счастливее быть и мудрей	53
Вот голова твоя, мой друг	54
Я видел город, город был велик	55
Кипарис	56
Мудрец все ясное любит	57
Одни из нас твердят, что бытие нетленно	58
Сперва на небе молния во мгле	59
От сотворенья так уж повелось	60
Увы, проходит жизнь, что нам дана	61
От колыбелей до могильных плит —	62
Ушедший хоть и не был всех дорожее	63
Мы любим аромат пчелиных сот	64
Ты от бездельника не жди услуг	65
Что ни пошлет беда, что ни пошлет удача	66
Мирза Шафи, что от тебя хотят?	67
На звезды мы глядим в полночный час	68

Когда любовь я пел, за мною шла	69
Однажды говорил чертополох	70
Великий дар небес — моя работа	71
Я к свету шел, и путь мой был тяжел	72
Талант поэта — дар небес нетленный	73
О соловей, чья песня отзвучала	74
И солнце нам дающее тепло	75
Красу не оценить	76
Я молод был и думал, как ни странно	77
Мирза Шафи, трудолюбивый шмель	78
Прекрасное нам даром не дают	79
Бог создал солнце, дал краям земным	80
Для песни — рифмы сладкое звучанье	81
Звучание и звон колоколов	82
Никто не знает, где родится чудо	83
Хоть ты не выйдешь из своих дверей	84
Слыть праведными нет у нас причины	85
Вот что сказал один мудрец когда-то	86
Считает лишь дурак или злодей	87
Лучше вина без кувшина	88
По кладбищу мы как-то шли впотьмах	89
В один из дней очередной закон	90
Поговорить собрались знатоки	91
В укромном месте, где бывать грешно,	92
Случайно как-то повстречав меня.	93
Великому визирю	94
В одной большой стране.	95
Мы, люди, не в подарок жизнь берем	96
Лишь тот на свете обретет счастье.	97
Счастливцев тот, кто добротой богат.	98
Всему бывает противоположность.	99
С восторженным и радостным челом	100
Не будь жестоким к тем, что норовят	101
Есть представители людского рода.	102
Кто осторожность взял себе в закон	103
Коль хочешь мир познать, что скрыт в тени	104

Есть некий дух, он властвует везде.	105
Ты для меня была и счастьем и святыней.	106
Песня о красоте	107
Красавицы, в своей любви просты	109
Там за горами высится Казбек	110
Хафиза	111
Смешной мой друг, глупец мой дорогой	113
О юноша, душою не криви	114
Того, кто грешной страстью не влеком	115
Мельканье лиц, пространств, имен, времен	116
К концу подходит жизнь моя земная	117
И в молодости и на склоне лет	118
Мой друг, не жертвуй сердцем молодым	119
Всех к пропасти ведет одна дорога	120
Когда тебе хотел я свить венок	121
Будь, любящий юнец, не робок, не горяч	122
Не все, что происходит с нами — сладко	123
Однажды песню спел на склоне лет	124
Порой мужей угрюмых ум и знания	125
Созданье мудреца — ума достойный плод	126
Не всем стремленьям сбыться и мечтам	127
Тоскливой песней тишину ветвей	128
Кинжал тем лучше, чем острее	129
Игрок, поддавшийся азарту	130
Мудрец блуждать не станет день-деньской	131
У каждого из нас свое предназначенье	132
Один пропойца, потерявший стыд	133
Вославим самый дельный	134
Учитель мой — Хафиз	135
Оставь ханжам все, чем они	137
Ханжи клеймят нас неизменно	138
Уменье пить не всем дано	139
Два верных спутника — вино и слово	141
Я склонен полагать, что не умно	143
Счастливей всех пришедших в мир гостей	144
Пусть над землею громыаает гром	145

Несет вино всегда	146
Пьют соловьи росу — напиток ночи	148
Когда зимой повсюду снег и лед	149
— Мирза Шафи, заладил ты одно	150
Всему на свете свой черед	151
Лоз виноградных сок, какой же в нем порок	152
Мне каяться пора, но не могу	153
Блажен, кто счастьем наделен	154
— Мирза Шафи, писать да петь	156
Чтоб ни случилось, ясно мне одно.	158
Муштахид поет	159
Мирза Шафи поет	160
Марза-Юсуф, начитанный пиит	162
Изъянов у Мирзы-Юсуфа нет	164
Легко мне петь и чаши осушать	165
Кура у ног моих; у самых ног	166
Я уходил, но прибегал опять	167
Как много в небе звезд, горящих неустанно	168
Идем к одной мы цели — я и ты	169
Воходит солнце из-за гор	170
Весна одела землю в свой наряд	171
Постой, мой друг, сверни со своего пути	172
Когда ты предо мной, то предо мной туман	173
Доколе будет у тебя	174
За поцелуй моей любимой смело	175
Мухаммасы	176
Откинь чадру назад, откинь чадру!	178
Тифлис	179
Шипы и розы	181
Тимур	182
Пустынник	184
Ибрагим сын Абдулы	186
Наводнение	188
Дервиш	190
Библиография	194

Мирзэ Шәфи Вазех

СЕЧИЛМИШ ШЕ'РЛЭР

Художник *А. Дадашев*

Художественный редактор *Ю. Агаев*

Технический редактор *А. Мирджафиров*

Корректор *С. Петросова*

Сдано в набор 30.1-1964 г. Подписано к печати
23/III-1964 г. Формат бумаги 60×92¹/₃₂. Физ. и
условн. п. л. 6,125 Учетн. изд. л. 3¹/₄.
Заказ № 60. Тираж 6000. Цена 8 коп.,
переплет 15 коп.

Азербайджанское государственное издатель-
ство, Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.

Типография им. 26 комиссаров Государствен-
ного комитета Совета Министров
Азербайджанской ССР по печати, Баку,
ул. Али Байрамова, № 3.

1

698 198

698 198